

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ
ОДИССЕЯ КАПИТАНА САВУШКИНА

**ДОЙТИ
ДО
ПЕРЕВАЛА**

Александр Валерьевич Усовский
Дойти до перевала
Серия «Одиссея капитана
Савушкина», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62785472

Аннотация

Покинув пылающую, истекающую кровью Варшаву, группа капитана Савушкина направилась на юг, в Словакию – Генеральному штабу РККА требовались сведения о силах немцев, направленных на подавление Словацкого национального восстания. Из кровавого ада уничтожаемой польской столицы разведчики Савушкина перенеслись в земной рай, оказавшись посреди чудесных Татр, где не было ни войны, ни горя, ни бед, а были лишь хрустально чистый воздух и ошеломительные виды, дружелюбный народ и мирная тишина... Но и в этот благословенный край пришла война. И разведчики Савушкина вновь взялись за выполнение задания командования – которое выполнили на «отлично»; к несчастью, группе не удалось избежать потерь – но они были солдатами, и понимали, что смерть – это всего лишь часть их работы...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	28
Глава третья	44
Глава четвертая	65
Глава пятая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Усовский

Дойти до перевала

*Павлу Гавалде,
участнику Словацкого национального
восстания, и всем ополченцам из Батаяван, **взявшим**
в руки винтовки в сентябре 1944-го –
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Глава первая

В которой выясняется, что прямой путь – далеко не всегда самый близкий, и уж тем более – безопасный...

– А мы вообще где, товарищ капитан?

Савушкин тяжело вздохнул, оглядел окружающие горы и ответил старшине:

– Я бы и сам это хотел знать... – И, обернувшись к радисту, спросил: – Женя, что там Совинформбюро сегодня вещает?

Радист пожал плечами.

– Наши прут по Румынии – спасу нет, за день по полста деревень занимают, пленных тысячами берут. Румыны теперь на нашей стороне. Король Михай объявил о вступлении в союз с нами и англичанами. Немцы пытаются уйти в Венгрию.... В общем, там у нас всё на мази. – Помолчав, добавил уже менее бодро: – В Польше – поиски разведчиков, в Литве – бои западнее Шауляя.

– Про Словакию ничего?

– Про Словакию ничего.

– Ясно. Володя, что главная квартира фюрера?

Лейтенант хмыкнул.

– Плечом к плечу с венгерскими братьями по оружию отражает вторжение большевиков на Балканы. Подлый удар в спину от румынского короля, предавшего великого сына Ру-

мынии, маршала Антонеску. В целом успешно сокращают линию фронта, грозят отстоять Трансильванию... Уже про колоссальные потери большевиков не упоминают. Сквозь зубы признали потерю Плоешти... На западе – бои в Бельгии и Голландии, Рейн – непреодолимая преграда для англосаксонских полчищ, Арденны – могучий редут германского мира... Тоже постепенно сокращают линию фронта, отходят, то бишь... Про Словакию – ни слова.

– Значит, в Румынии у них всё. Но что ж про Словакию-то ни у наших, ни у немцев ничего нет? И впрямь нас на курорт отправили?

– Не знаю, товарищ капитан. Но молчат...

Савушкин вздохнул.

– Вдобавок мы ещё у чёрта на куличках... Хоть бы указатель какой... Или языка завалящего найти.... Как будто и не в Европе! За целый день я лично только трех лис и одного оленя видел.

Котёночкин улыбнулся.

– А я зайцев выводок! Мамашу и трех сеголеток! Серенькие...

Старшина добавил:

– А тишина-то якая, как будто и войны никакой нэма!

Тут из-за поднятого капота раздался голос Некрасова:

– Тишина – потому что мотор заглох, бензина нет. Всё, приехали...

Твою ж мать.... Савушкин про себя выругался. И с зата-

ённой надеждой спросил:

– Витя, там же вроде был пятилитровый бачок, под ящиком с консервами?

– Не видел.

– Ты пошукай, должен быть, когда в Заторе довольствие получали – Олег вроде свистнул баклагу и в багажник спрятал, пока кладовщик консервы пересчитывал. Поищи!

Старшина, довольно улыбнувшись, подтвердил:

– Було дило! Пять литров должно быть!

Снайпер, он же – водитель, обошел «хорьх», открыл багажник, долго рылся, ворча про себя – и, наконец, достав маленькую канистру, победоносно помахал ею над головой.

– Есть! – После чего, хмыкнув, добавил: – Но это НЗ. Дотянуть до первого топливного склада. Максимум на тридцать километров хватит...

Савушкин почесал затылок.

– Тогда пока сидим на месте, ждём ночи. По Полярной будем ориентироваться, компас нам не помощник. Дурит – спасу нет! То на востоке у него север, то на юге, то на северо-западе... Стрелка, как бешеная крутится...

Лейтенант кивнул.

– Я с таким встречался. Мы через Лебедин когда шли, немцев после Курска гнали – так же стрелки у компасов крутились. Железная руда под нами...

Савушкин вздохнул.

– Руда – это хорошо, плохо, что из-за неё мы сейчас – сле-

пые котятта... Этот чёрт, паромщик в Чернихуве, видно, специально нас с пути сбил. Мне его рожа, помню, сразу не понравилась...

Лейтенант возразил:

– Ну он же из патриотических чувств, мы ж немцы....

– Это понятно, только благодаря ему мы заехали в такую тьмутаракань – ни в сказке сказать, ни пером описать... – помолчав, капитан добавил: – Ладно. По звёздам определимся. Лейтенант, астрономия – на тебе.

Котёночкин кивнул.

– Полярную найдём, это понятно. Секстанта у меня нет, да и толку от него в горах – ноль, но как-нибудь плюс-минус четверть градуса определимся и по широте. Долготу искать не надо, мы на меридиане Кракова минус полградуса где-то.

– По карте прикинешь?

– Давайте.

Капитан расстелил на траве штабную пятикилометровку. Лейтенант присел, достал из планшета циркуль, линейку, что-то долго вычислял, хмыкал, качал головой – и, в конце концов, неуверенно сообщил:

– Думаю, горы вокруг – Силезские Бескиды. Если я не ошибаюсь – то строго на восток километрах в двадцати – Венгерская Горка. А от неё на юг, через Милювку и Глинку – Словакия. Теоретически. Но лучше всё же дожидаться звёзд – возьмём пеленги и определимся точнее. Полярная в затылок – строго на юг. На левом плече – на восток. Не про-

махнёмся...

Савушкин хмыкнул.

– Ну ты географ... Ладно. Нам сейчас главное – на границу Протектората не выйти, у нас пропуска туда нет. Или Генерал-губернаторство, или Рейх, или Словакия. А в Чехию – ни-ни! Будут лишние вопросы – на которые у нас может не быть ответов... Ладно, тогда машину в кусты, ставим палатку и дрыхнем, дежури́м по очереди. Женя, как тут приём?

Радист пожал плечами.

– Более-менее. В Варшаве, конечно, было лучше. Но устойчивый. Можем на сеанс в гору подняться, для надёжности. Всё равно вокруг – ни души...

– Это-то меня и пугает. Два дня едем – постоянно сёла, городки, выселки всякие, колонии, как поляки их называют – а тут как отрезало. Ни людей, ни машин... И войны никакой. Тишина, как от сотворения мира....

Разведчики живо закатали «хорьх» в гущу можжевельника, рядом поставили палатку – за какую уже неоднократно было сказано «спасибо!» неведомому Хайнриху фон Таубе – и завалились спать, памятуя простую солдатскую истину, что если есть возможность выспаться – надо её использовать, потому что потом такой возможности может и не быть вовсе...

Савушкин, расстелив плащ-палатку, прилёг на взгорке, чтобы видеть и своих разведчиков, и просёлочную дорогу, на которую они в отчаянии свернули четверть часа назад. К нему подошёл лейтенант.

– Разрешите, товарищ капитан? Что-то не спиться...

– Падай.

Котёночкин деликатно пристроился на краю плащ-палатки. Савушкин улыбнулся.

– Да ты не жмись, палатка немецкая, два на два, тут вчетвером можно дрыхнуть... – Помолчав, спросил: – Про Словакию хочешь поговорить?

– И про неё тоже. Но больше про девочку ту, с Жолибожа... Может, нам её с собой надо было взять?

Савушкин хмыкнул.

– И дальше что? Завтра нас в Словакии какие-нибудь инсургенты обстреляют с гор – и будет она лежать меж нашими трупами, молодая и красивая.... Баранов ещё в июле говорил – наши перебрасывают в Словакию партизанские группы, так что стрелять есть кому... Не, Володя, мы солдаты, и что ещё важнее – мы разведчики. У нас на личную жизнь права нет. Мы на войне, дружище, если ты этого ещё не заметил....

– Но... Она ведь была в вас влюблена?

Савушкин помолчал, а затем ответил вполголоса:

– Володя, ты ещё молодой, много в этой жизни не понимаешь.... Если честно – то мне тогда, на берегу Вислы, единственно, что хотелось – это запрыгнуть на борт той амфибии... И не отпускать девочку эту больше никогда! – Савушкин вздохнул. – Но мы на войне. И есть вещи поважнее любви...

Котёночкин вспыхнул.

– Не соглашусь, товарищ капитан! Нет ничего важнее любви! Мы ведь и сражаемся и умереть готовы – из любви! К Родине, к нашим близким, к нашему народу, к нашей стране, товарищам по оружию... Любовь нас ведет в бой!

Савушкин покачал головой.

– Может, и так.... Вернее, конечно, так, ты прав. Прав. Но в данном конкретном случае – Данусю эту надо было отправить на нашу сторону Вислы. Саня Галимзянов и его радист сгинули там, да и нам чудом удалось выскользнуть, спасибо Костенко... Если бы девочку эту зацепило – я бы себе этого не простил... А так... Добрались благополучно, её отправили на курсы медперсонала, глядишь – выживет... И в Варшаву свою вернется. Живой!

– А вы, товарищ капитан?

Савушкин тяжело вздохнул.

– А я с вами, оглоедами – и в горе, и в радости, пока смерть не разлучит нас.... – Помолчав, продолжил: – Что нам Баранов велел вчера по радио? До Словакии добраться. А зачем – не сообщил. Может, сегодня хоть что-то разъясниться...

Но Котёночкин, продолжая гнуть свою линию – что ж, дело молодое, про себя отметил Савушкин – произнёс:

– Товарищ капитан, а до войны.... До войны у вас была девушка? Простите, что такой вопрос задаю, про родителей ваших и сестру я в курсе, Костенко рассказал, и про брата вашего, что ветеринаром в пехоте воюет, вы сами рассказы-

вали... Но девушка ведь у вас была?

Савушкин помолчал, затем, тяжело вздохнув, ответил:

– Не просто девушка. Невеста. Катя Воротникова, с Пречистенки. Училась на три курса младше. Во время того налёта, когда моих убило – она дежурила в местной противовоздушной, зажигалки с крыш скидывали... Она мне и написала – про отца с матерью... Ещё до похоронки. Нелепая судьба – сыновьям в действующую приходит извещение о смерти родителей в тылу...

– А... Катя?

Савушкин сурово глянул на Котёночкина.

– А Катя, лейтенант, в январе сорок второго пропала без вести на льду Ладожского озера. Их там сто пятьдесят было, регулировщиц, московских комсомолок. Все добровольцы. Мне её подруга, Вера Сотникова, потом написала – пришла смена, а на месте их регулировочного поста – полынья... Три девочки, всем не было и двадцати, и сержант, старик из Кобоны... Ушли под лёд. И никого не спросить...

– Простите, товарищ капитан...

– Пустое, Володя. Я потому и рад был, что Данусю эту наш барон в машину посадил – потому что в глубине души очень боялся за неё.... Девочка, ей с подружками по городу гулять, мальчишкам глазки строить, учебники таскать по урокам – а она вон где оказалась... Не место женщине на войне, лейтенант! Противоестественно это! Если уж случилась эта беда, война – то заниматься ею должны мужчины. Это мужское

дело.... – Затем, глянув на часы, спохватился: – Давай, Женю буди, я пока текст радиogramмы набросаю. Двадцать минут до сеанса...

«Находимся предположительно в Силезских Бескидах. Уточните задачу. Штефан». Этот позывной, «Штефан», их группе присвоили вчера, зачем – непонятно, но звучало красиво. Савушкин протянул текст радисту.

– Шифруй.

Строганов пробежал короткий текст глазами, кивнул, достал шифроблокнот – и в две минуты составил радиogramму. После чего на пару с лейтенантом они поднялись метров на двадцать выше по склону, Котёночкин забросил антенну, Строганов отстучал своё ключом – после чего долго, минут семь, что-то торопливо писал в свой блокнот. Савушкин, наблюдавший за обстановкой вокруг их стоянки, немало изумился столь долгому приёму – но когда радист вернулся и расшифровал текст радиogramмы, стало понятно, отчего Центр столь долго грузил эфир группами цифр для «Штефана».

«В Словакии партизанское антифашистское восстание при поддержке армии. С получением сего приказываю: перейти в Словакию, контролируемую немцами, определить силы и средства, направляемые немцами на подавление восстания, предполагаемые направления ударов, общую конфигурацию фронта. Также определить степень поддержки восстания населением Словакии, настроения среди словаков

на территориях, подконтрольных немцам. Определить пути снабжения немецкой группировки. По возможности – провести подрывы железнодорожных и автомобильных мостов с целью затруднения действий немцев в Словакии. При невозможности продолжения работы и прямой угрозе провала – выходить на Нитранское Правно. Связь – Йозеф Пастуха, владелец мельницы на Млынской. Пароль «Мы ищем дорогу на Мартин», отзыв «Такой дороги здесь нет, есть на Братиславу». Пастуха знает русский язык. При попадании на территорию восстания – затребовать связь с Величко, Егоровым, Волянским. Баранов»

О как.... Что-то такое он подсознательно и ждал – ну не могут их группу отправить в горный санаторий в разгар войны... Что ж, теперь всё прояснилось – начинаем работать. Но для начала – хорошо бы определится, где же мы, чёрт возьми, всё-таки находимся...

Полярная не подвела. Она вообще никогда не подводила странников – по морям ли, по горам ли, по лесам, и сегодня, и тысячу лет назад... Трижды просёлочная дорога раздваивалась и пыталась увести бурчащий на последних литрах бензина «хорьх» в непроезжие дебри – и трижды Котёночкин твердой рукой указывал правильный путь, всматриваясь в звёздное небо над головой; наконец, к трем часам ночи разведчики выбрались на шоссе – которое через пару километров вывело их к какому-то селению, на окраине кото-

рого их машину остановил немецкий патруль. Никогда ещё Савушкин так не радовался появлению фельджандармерии, как в этот раз!

Патрульных было трое, при весьма ветхой «школе рапид» – вместо штатного кубельвагена.

Двое ефрейторов, довольно пожилых дядек – что для этой братии доселе было несвойственно – и молодой и, как видно, ражий и охочий до службы унтер-офицер. Который, узрев, что в шикарном «хорьхе» едут какие-то полу-штатские шпаки – тут же сделал стойку. Савушкин на это лишь усмехнулся про себя.

– Ihre papiere, dokumente, wehrpaß, soldbuch, bitte! – Выдал заученную фразу унтер и протянул руку Савушкину.

Капитан молча кивнул, достал из планшета все документы, включая командировочное предписание – и протянул жандарму, сухо бросив:

– Bitte. – Документы подлинные, всё в ажуре, пущай хоть под лупой их рассматривает, служака... Но вспомнив, что в баке у «хорьха» бултыхались последние пару литров бензина – Савушкин тут же решил прибавить доброжелательности и добавил, устало улыбнувшись: – Wir fahren nach Ungarn, nach Miskolc. Ich hoffe, diese Straße ist richtig? Wir haben ein bisschen in den Bergen verloren...¹

Унтер, внимательно просмотрев документы «инженеров и техников из организации Тодта», кивнул.

– Alles ist richtig. Vor einer Woche hätten Sie Miskolc problemlos erreicht – über Martin und Banska Bistrica.²

Савушкин, изобразив на лице недоумение, нерешительно спросил:

– Und was hat sich in der letzten Woche geändert?³

Унтер зло бросил:

– Alles! – И добавил, уже мягче, чтобы герр инженер не

¹ Мы направляемся в Венгрию, в Мишкольц. Надеюсь, это дорога правильная? Мы немного заплутали в горах...

² Всё верно. Ещё неделю назад вы бы без проблем доехали бы до Мишкольца – через Мартин и Банска-Бистрицу.

³ А что изменилось за последнюю неделю?

подумал, что это относится к нему лично: – Slowaken haben uns betrogen.⁴

– Was?!?! – возмущённое удивление всегда удавалось Савушкину на «отлично».

– Die slowakische Armee schloss sich den Russen an. Unsere militärische Mission wurde in Martin erschossen... In der ganzen Slowakei – ein Aufstand.⁵

Савушкин спросил растерянно:

– Und was machen wir jetzt?⁶ – надо дать унтеру возможность побыть в роли спасителя полугражданских балбесов, ни уха, ни рыла не смыслящих в международной обстановке – мелкие чины такое любят...

Унтер, преисполнившись значительности, важно кивнул.

– Durch das Mährische Tor nach Brunn, von dort nach Presburg und weiter nach Budapest.⁷ – И уже более снисходительно добавил: – Es ist viel weiter, aber sicher.⁸

Всё правильно. Именно так диалог между многоопытным военным и сомнительным штатским и должен был быть выстроен – Савушкин про себя лишь усмехнулся. Теперь – завершающий аккорд...

⁴ Всё! Словаки нас предали....

⁵ Словацкая армия перешла на сторону русских. Наша военная миссия была расстреляна в Мартине... По всей Словакии – мятеж.

⁶ И что нам теперь делать?

⁷ Через Моравские ворота на Брюнн, оттуда на Пресбург и далее на Будапешт.

⁸ Это намного дальше, но безопасно.

– Können wir hier den Tank auftanken? Wir haben fast keinen Treibstoff, und im Bezirk gibt es keine Treibstofflager der Todt-Organisation...⁹

Унтер задумался на мгновение – а затем, уверенно кивнув, изрёк:

– Sie können. Ich melde mich umgehend bei unserem Lager. Dort bekommen Sie hundert Liter Benzin.¹⁰

Ну вот и славно, заодно и узнаем, что за части тут гужуются – фельджандармы ж не просто так тут обретаются, они все приписаны в каким-то подразделениям... Савушкин кивнул.

– Ich danke Ihnen! Ich weiß nicht, wie wir ohne dich auskommen könnten... Welche Stadt ist das?¹¹

Унтер пренебрежительно махнул рукой.

– Nichts zu reden! – И, снисходительно глянув за спину, добавил: – Und das ist keine Stadt, das ist ein Dorf – Ungarischer Hügel.¹²

Ещё минут пять у них ушло на уточнение местоположения поста, топливной базы и в целом обстановки вокруг – после чего «хорьх» «инженеров и техников организации Тодта», пыхнув сизым дымком, направился на заправку. Савушкин, уточнив с Некрасовым направление движения, обер-

⁹ Мы можем здесь заправить бак? У нас почти нет горючего, а в округе нет топливных складов организации Тодта...

¹⁰ Сможете. Я сейчас свяжусь с нашим складом, сто литров бензина они вам выдадут.

¹¹ Благодарю вас! Не знаю, как бы мы без вас справились.... Это какой город?

¹² Не о чем говорить! А это не город, это деревня – Венгерская Горка.

нулся к своим.

– Так, хлопцы. Сейчас заливаем бензин и внимательно смотрим по сторонам! Важно всё – какие тут немцы, что на их машинах наляпано, какая форма... В общем, всё! Они тут неспроста отаборились, от этой Венгерской Горки до Словакии – сорок километров...

Впрочем, смотреть особо было не на что – деревня спала, и если в ней и находились какие-то части – то какие именно и где, узнать было решительно невозможно. Савушкин разочарованно вздохнул:

– Вот черти, попрятались так, что ни черта не увидишь... Витя, заправку бачишь?

Водитель кивнул.

– Вон, за пригорком, там, где давешний унтер и говорил....

– Заезжай. Он вроде по радиации вопрос утряс.

И точно – полусонный кладовщик, заведя «хорьх», спотыкаясь, порысил к шлагбауму, поднял его, и, как только машина поравнялась со сторожкой – старательно вытянул руку в «римском» приветствии. Савушкин на это лишь про себя иронично улыбнулся – чем дальше от фронта, тем выше рвение в отдании приветствия у всякой тыловой братии...

Впрочем, короткий разговор с кладовщиком дал массу ценной информации. Пожилой дядька, из «тотальников», охотно доложил Савушкину, что склад принадлежит танковой дивизии «Татра», неделю как спешно сформированной из всякого рода запасных и учебных батарей, дивизионов, батальонов и рот; один из двух полков новоиспечённой дивизии, восемьдесят пятый панцергренадерский, и квартировал в настоящее время в Венгерской Горке. Собственно, именно его бензин в данный момент и лился щедрой струёй в бак «хорьха» – что весьма радовало Некрасова.

Савушкин решил на всякий случай провентилировать во-

прос численности дивизии – авось кладовщик что-то знает? К его изумлению, не только знал, но и охотно поделился своими знаниями! Дядька, довольный тем, что за сто литров бензина выторговал талоны на сто пятьдесят – сообщил Савушкину:

– Panzerdivision – ist nur ein Name. Achtundzwanzig mittlere und drei schwere Panzer, sind kleiner als das Bataillon. Weitere zehneinhalb Sturmgewehre und fünfzig Kanonen und Haubitzen. Dies ist keine wirkliche Spaltung, es ist so, erschrecken die Slowaken...¹³ – и улыбнулся, давая понять, что настоящие танковые дивизии воюют на фронтах, а их «сборная солянка» – не более, чем пугало для восставшей Словакии.

Савушкин кивнул, напоследок подарил разговорчивому кладовщику бутылку шнапса, и, сев в «хорьх», махнул рукой – дескать, двигай. Но только оставив за кормой последние дома Венгерской Горки – тут же скомандовал:

– Витя, тормози! – И, указав на густой орешник справа, кивнул: – Загони туда. Надо подумать...

Когда машина была загнана в самую гущу кустов лещины – Савушкин обратился к своим бойцам:

– Так, хлопцы, ситуация следующая. Дальше на юг – горы, Татры, или, как их называют поляки, Бескиды, а по сути – это северный фас Карпатской дуги. С этой стороны немцы в

¹³ Танковая дивизия – это просто название. Двадцать восемь средних и три тяжелых танка – меньше батальона. Ещё десятка полтора штурмовых орудий и полсотни пушек и гаубиц. Это не настоящая дивизия, это так, напугать словаков...

Словакию вряд ли сунутся – дальше хребты, один за одним, узкие речные долины, где дороги перекрываются на раз, малонаселенный – да вы и сами это бачите – край. Немцы пойдут на Словакию восточнее, где горы пониже, и откуда удар будет болезненней. Думаю, что и венгры навалятся с юга. Это моё предположение, но я уверен – будет именно так. Исходя из простой географии.

– А эта танковая дивизия, «Татра»? Она ведь тут? – Нерешительно спросил Строганов.

– Да, Женья, тут. Не вся, заметь, только один полк. И то – потому что он до всей этой катавасии дислоцировался в Гляйвице, это Верхняя Силезия, от нас на северо-запад километров сто. Остальные части этой дивизии потягиваются из разных глухих гарнизонов – и нам предстоит узнать направление их удара. Но, думаю, эта дивизия у немцев не одна. Поэтому утром мы двинемся на юго-запад, через Моравские ворота¹⁴, до Брно, или, как его называют немцы, Брюнна, и дальше на Братиславу, или Пресбург. Все «Войну и мир» читали? – Котёночкин радостно закивал, остальные опустили головы. – Ладно, не расстраивайтесь, ещё прочитаете. Просто мы сейчас пойдем по тому пути, по какому шла армия Кутузова к Аустерлицу. Но будем надеяться, что результат у нас получится повеселей, чем у наших предков...

¹⁴ «Моравские ворота» – горный проход в Чехии, между восточными отрогами Судет и западными отрогами Бескид. Моравские Ворота протягиваются с северо-востока на юго-запад на 60 км между городами Острава и Пршеров. Ширина достигает 10 км. Высшая отметка – 310 м – водораздел рек Одра и Бечва.

Вопросы?

– Товарищ капитан, но Моравия... – Нерешительно проговорил Котёночкин.

– Правильно, лейтенант, это часть протектората. И у нас нет пропуска туда – но, думаю, любой патруль отнесется к этому снисходительно, учитывая изменившиеся обстоятельства. В крайнем случае, найдем коллег из организации Тодта и выправим себе пропуск – мы ведь здесь совершенно легально. – И, улыбнувшись, спросил у Котёночкина: – Володя, скажи мне, как инженер инженеру – ты проектировать всякие форты и бастионы могёшь?

Лейтенант почесал затылок.

– Я вообще-то в школе чертил неплохо, и в училище сапёрное дело на «пять» ... Если не всерьез – то что-нить накарябаю.

– В багажнике у нас бумага, листов сорок, и карандаши. Утром возьмёшь карту Мишкольца и набросаете план предполагаемых укреплений – которые мы едем строить. На случай серьезной проверки.

Котёночкин изумлённо спросил:

– Товарищ капитан, вы это всерьез? Да это на весь день работа!

Савушкин кивнул.

– Так точно. Устроишься поудобнее и твори. А я с хлопцами займусь географией – у нас впереди очень сложная дорога, в горах мы пока не действовали. Мы пока все Татры об-

лазим по картам – акkurat часа на четыре работы – а ты пока создай десяток шедевров фортификации... – и, упреждая возражения лейтенанта, добавил: – Понятно, что любой инженер-сапёр твою мазню махом разоблачит, но я что-то не упомяну инженеров-сапёров среди должностных лиц фельд-жандармерии. Так что – не трусь, ваяй смело! – Скупно улыбнувшись, добавил: – А сейчас – спать! До рассвета ещё два часа, как раз доберем за вчерашний день....

Чему быть – тому не миновать.... Савушкин осмотрел окружающие горы, неопределенно хмыкнул и бросил лейтенанту, беспомощно всматривающемуся в карту:

– Володя, не терзай себя. Проморгали мы поворот на Яблункув этот... – Помолчав, добавил: – И чувю я, что тот шлях, по какому мы сейчас рулим – нас в мятежную Словакию и заведёт. Если уже не завёл...

Котёночкин неуверенно ответил:

– Не должен... Тут вроде ещё Польша...

Савушкин отрицательно покачал головой.

– Нет. По карте у нас вдоль дороги сплошь деревни должны быть, бо идёт та дорога вдоль реки Кренжелки... Где та река? Нет той реки... И деревень нет. А есть горы, какие никак не подписаны. А компас продолжает дурить, крутятся во все стороны... И куда теперь ехать – чёрт его знает...

Тут подал голос старшина. Откашлявшись, Костенко предложил:

– Та давайте вже на запад по солнцу йихаты, до той Мо-

равии вже ж как-нибудь доидэмо... Зря мы, что ли, карты всё утро наизусть учили? Я помню, шо вси дороги тут – в широтном направлении, вдоль хребтов. И наша – с востока на запад, аккурат в Моравию...

Савушкин вздохнул.

– Так-то оно так, но не забывай, Олег, что в Словакии – восстание, а мы с тобой – немцы в форме, хоть и строители... И нас, если что – по головке никто гладить не станет. Поставят к стенке и шлёпнут, как ту военную миссию в Мартине... Те, небось, тоже думали – де, словаки, мирный народ, что они нам сделают... И поплатились. А нам ещё задание командования выполнить надо! – Помолчав минуту, снова вздохнул и промолвил: – Но сейчас я с тобой соглашусь. Надо ехать. Куда выведет – туда выведет, в конце концов, до Моравии тут рукой подать. Може, и доидэм...

Разведчики вновь загрузились в «хорьх», вместо Некрасова, взявшего наизготовку свою СВТ, за руль сел старшина, и они двинулись на запад – держа солнце по левую руку. Других ориентиров не было – горы вокруг были похожи друг на друга, как близнецы-братья...

Минут через сорок Костенко, внимательно всматривающийся вперёд, настороженно произнёс:

– Якесь мисто... Километрах в пяти.

Савушкин всмотрелся вдаль, приложив к глазам бинокль – и кивнул.

– Город. Володя, глянь по карте, какой город тут может

быть, не деревня?

Лейтенант раскрыл планшет, посмотрел, что-то про себя посчитал – и ответил:

– Если город – то Скалите. Словацкий. С польской стороны только деревеньки...

– Твою ж мать... Ладно, будем надеется, что пронесёт.

Не пронесло – у кладбища, расположенного на въезде в город, дорогу им преградил тяжёлый трёхосный армейский грузовик «татра». И лишь только «хорьх» разведчиков остался – из-за ограды кладбища, из-за «татры» и из дворов первых домиков городка высыпало десятка два военных в таких же, как и у разведчиков, оливковых мундирах бывшей чехословацкой армии, с винтовками и ручными пулеметами наизготовку. И самое скверное в этом было то, что у всех этих, одетых почти так же, как разведчики Савушкина, военных, глядящих на «хорьх» крайне неприязненно, и вдобавок – через прорези прицелов – на рукавах были красные повязки...

Глава вторая

В которой капитан Савушкин понимает, что иногда всего три буквы бывают важнее тысячи слов...

– Три дня прошло! Товарищ капитан, мы будем что-то делать? – Лейтенант с надеждой посмотрел на Савушкина.

– Будем. Как только к тому представится случай. Вот сейчас – что ты предлагаешь? – Капитан иронично глянул на своего заместителя.

– Ну... не знаю. Объявим им, что мы на их стороне, фамилии, те, что в радиограмме Баранова были, озвучим.... Скажем, чтобы они нас отпустили, мы свои!

Савушкин кивнул.

– Гениально. Кому ты это предлагаешь объявить? Часовым у дверей? Они ни по-русски, ни по-немецки не понимают, один капрал, что еду развозит, может пару слов немецких связать, да и то... Ты силён в словацком?

Лейтенант растерянно посмотрел на своего командира.

– Не очень.... Хотя, пока сюда вели – пару слов разобрал. Славянский ж язык...

Савушкин хмыкнул.

– Ото ж, как говорит Костенко. Пару слов... Вдобавок ребята наши – в другой камере. А показания наши должны быть согласованными – чтобы нам поверили. И вдобавок... – И капитан тяжело вздохнул.

– Возможность предательства? – Продолжил за него лейтенант.

– Она. Сколько ты насчитал солдат, пока нас от кладбища к этой казарме тащили?

– Человек сто пятьдесят, не меньше...

– И все они тоже видели нас. И все знают, что три дня назад на северной окраине Скалите были задержаны немцы из организации Тодта – судьбу которых должен будет решить кто-то поглавней, кого, как я понимаю, мы тут и ждём. Если мы объявим себя русскими разведчиками – какие шансы на то, что информация эта в сей же час не достигнет немецких ушей? Более чем уверенные. И всё, надо будет сворачивать шарманку. А мы ни о каких немецких частях, кроме того восьмьдесят пятого полка танковой дивизии «Татра», что в Венгерской Горке встретили – ничего доложить не можем.

– И поэтому?

– И поэтому ждём, пока представится случай отсюда удрать по-тихому. Чтоб без стрельбы и краха нашей легенды...

Тут окошко в двери скрипнуло, сдвинулось в сторону – и в образовавшееся отверстие просунулось загорелое лицо чатара Фарника, с которым Савушкин с Котёночкиным успели уже познакомиться.

– Ránove dôstojníci, obed!¹⁵ – И продублировал это же на том языке, который считал немецким: – Герре офицере, мит-

¹⁵ Господа офицеры, обед!

таг эссен, битте!

– Опять капуста... – Проворчал Котёночкин.

Савушкин пожал плечами.

– Кормят – уже хорошо, к тому же на второе, глянь – кнедлики с кислой капустой и подливкой; вполне себе приличный обед. Не привередничайте, герр обер-лейтенант, жрите, что дают. – И улыбнулся.

На несколько минут в камере – хотя, если говорить честно, помещение это, судя по всему, раньше было обычной армейской гауптвахтой, по необходимости сделавшейся тюремным узилищем – воцарилась тишина. Первым её нарушил лейтенант, старательно облизавший свою ложку и отодвинувший в сторону судок, в котором только что был гуляш с кнедliками.

– Товарищ капитан, но всё же, как вы думаете, мы тут в каком статусе?

Савушкин хмыкнул.

– Чёрт его знает. Может, и военнопленные хотя Словакия с Рейхом формально не воюет. Если не принимать во внимание, что этот батальон на стороне восставших, то мы с ними вообще союзники, но то такое... Интернированные, разве что? – Подумав, добавил: – А тебе что за печаль? У нас статус простой – мы разоружены и помещены под стражу, что препятствует выполнению нашей задачи, а значит – нам этот статус надо менять. По возможности.

– Да это понятно... А что они дальше с нами будут делать?

– Они, похоже, и сами не знают.... Могут шлёпнуть. Могут отпустить. Третьего варианта нет – держать им нас негде, не сегодня-завтра наши с тобой псевдо-соплеменники устроят этим славным ребятам небольшой конец света.... Это они умеют. Вспомни Варшаву...

Лейтенант кивнул.

– Помню. Особенно Охоту...

Тут замок в двери заскрежетал, громко щёлкнул – и дверь, ржаво скрипя, отворилась. На пороге возник доселе незнакомый разведчикам словацкий военный, судя по золотым звёздочкам на петлицах – офицер.

– *Páni dôstojníci, prosím nasledujte ma.*¹⁶ – Были его первыми словами. Затем, спохватившись, поручик – а одна звёздочка означала именно это звание – добавил: – *Ich hoffe du verstehst slowakisch...*¹⁷ – И, махнув рукой в коридор, бросил: – *Bitte!*

Савушкин усмехнулся – ну ты посмотри, у них все офицеры – полиглоты! – поднялся со шконки, оправил китель и вместе с Котёночкиным вышел в коридор. Однако, дядьке лет тридцать с лишком, а он всё ещё поручик. Даже подумать страшно, до каких чинов он дорастёт к сорока пяти годам, глядишь, и до сотника дослужится! Как-то туго у них с карьерным ростом в этой их словацкой армии – донашивающей чехословацкую форму...

¹⁶ Господа офицеры, прошу вас следовать за мной.

¹⁷ Надеюсь, вы понимаете по-словацки...

Помещение, в которое их привели, было, судя по всему, канцелярией батальона – или как в словацкой армии это называется? За столом сидел поджарый надпоручик, русский и изрядно загорелый, по левую руку от него – какой-то болезненного вида, бледный и довольно измождённый штатский парень лет двадцати пяти; впрочем, штатским он был исключительно исходя из его одежды. В остальном он не отличался от остальных – пиджак с широкими лацканами был перетянут армейским ремнем с португеей, которую оттягивала висевшая слева, на немецкий манер, кобура с «парабеллумом», ремень португеи был крепко затянут, а на правом рукаве – Савушкин даже поначалу не поверил собственным глазам! – была нашита красная комиссарская звезда, выкроенная, судя по всему, из бархатной скатерти.

Надпоручик сухо представился:

– Veliteľ druhého pešieho práporu, nadporučík Dorchak.

Парень с комиссарской звездой на рукаве тотчас же продублировал это на немецком:

– Der Kommandeur des zweiten Infanteriebataillons, Hauptmann Dorchak.¹⁸

Савушкин кивнул, коротко бросил: «Hauptmann Weidling, Ober-leutnant Weissmüller, Todt-Ingenieure», а затем, улыбнувшись, добавил:

– Freunde, warum dieses Pathos? Wir sind Verbündete! Ich bin Hauptmann Weidling, ein Ingenieur aus Todt-Organisation.

¹⁸ Командир второго пехотного батальона гауптман Дорчак.

Wir fahren nach Miskolc. Und wir sind weit genug von der Front entfernt, um so streng mit Freunden umzugehen...¹⁹

Лицо надпоручика на мгновение исказила гримаса – похоже, ему решительно не нравилась сложившаяся ситуация. Всё правильно, пять лет Германия была союзником Словакии, по сути, она стала повивальной бабкой словацкой независимости – и тут на тебе! Тяжело кадровому офицеру перестроить сознание – вчера немцы были друзьями и союзниками, а сегодня они – злейшие враги... Савушкин продолжил:

– Ich bitte Sie, mich und meine Leute zu befreien und uns zu erlauben, unsere Reise fortzusetzen. Am Ende sind wir nicht Militär, wir sind Bauherren...²⁰

Тут парень со звездой, довольно ехидно улыбнувшись, промолвил:

– Wir haben einige Fragen. Auf die wir gerne Antworten bekommen...²¹

Савушкин кивнул.

– Bitte.

Комиссар, покопавшись в ящике стола, выложил потрёпанную записную книжку в серой обложке – в которой Са-

¹⁹ Друзья, к чему этот пафос? Мы ведь союзники! Я – гауптман Вейдлинг, инженер из организации Тодта. Мы едем в Мишкольц. И мы достаточно далеко от линии фронта, чтобы так строго поступать с друзьями...

²⁰ Я прошу вас освободить меня и моих людей и позволить продолжить нашу поездку. В конце концов, мы ведь не военные, мы строители...

²¹ У нас возникли некоторые вопросы. На которые мы бы хотели получить ответы...

вушкин, про себя выругавшись, узнал шифроблокнот своего радиста.

Штатский продолжил:

– Der Radiosender Ihrer Gruppe ist amerikanisch und erscheint im Juni dieses Jahres.²² – Помолчав, добавил: – Und fünf Kilogramm Sprengstoff – zusammen mit zwanzig Zündern...²³

Савушкин развёл руками.

– Jeder benutzt Trophäen. Ihre Armee ist keine Ausnahme, auf dem Hof sah ich einen polnischen Panzerwagen...²⁴ – И снисходительно добавил: – Wir sind Pioniere, wir können nicht ohne Sprengstoff sein...²⁵

– Gut. Sagen wir mal.²⁶ – Иронично улыбнувшись, продолжил: – Vor dem Krieg arbeitete ich als Zeichner im Architekturbüro von Pan Shimek in Nitra.²⁷ – Достав из вещмешка кипу чертежей, наскоро смайстриченных лейтенантом Котёночкиным в Венгерской Горке, насмешливо кивнул на них и произнёс: – Wirst du deine Befestigungen nach diesen

²² Радиостанция у вашей группы – американская, выпущена в июне этого года.

²³ И пять килограмм взрывчатки – вместе с двадцатью взрывателями....

²⁴ Все используют трофеи. Ваша армия – не исключение, во дворе я видел польский броневик...

²⁵ Мы сапёры, нам нельзя без взрывчатки...

²⁶ Хорошо. Допустим.

²⁷ До войны я работал чертёжником в архитектурном бюро пана Шимека в Нитре.

Zeichnungen bauen?²⁸

Вот чёрт въедливый.... И ведь не скажешь же ему, что чертежи эти – для фельджандармов, а не для профессиональных архитекторов... Савушкин пожал плечами:

– Das sind die Skizzen. Nur in Eile erstellte Entwürfe. Vor Ort wollten wir alles grundlegend machen...²⁹

– Angenommen.³⁰ – кивнул комиссар. А затем, открыв шифроблокнот, подвинул его Савушкину. Вот чёрт! Чёрт! Женья, радист недоделанный! Руки из задницы!

Отработанная страница с последнего сеанса была, согласно инструкции, вырвана и затем сожжена – но сделано это было наспех, в ночи, и часть листочка, который целиком должен был сгореть в Силезских Бескидах – преспокойно затаилась в блокноте. И самое скверное – вместе с обрывком текста! Три буквы в котором – Ы, Ф, и Щ – были старательно обведены красным карандашом...

Комиссар иронично посмотрел на Савушкина.

– Verwendet Todt-Organisation das kyrillische Alphabet für die Funkkommunikation?³¹

Савушкин изо всех сил постарался, чтобы его ответ выглядел максимально безразлично:

²⁸ Вы собираетесь строить ваши укрепления по этим чертежам?

²⁹ Это эскизы. Всего лишь наброски, сделанные наспех. На месте мы планировали сделать всё фундаментально...

³⁰ Предположим.

³¹ Организация Тодта использует для радиосвязи кириллический алфавит?

– Mein Funker ist Russe. Bei Todt ist die Hälfte der Beschäftigten kein Deutscher. Wusstest du das nicht?³²

Комиссар кивнул.

– Ich weiß. Ihre Unteroffiziere sind keine Deutschen. Sie sagen, dass die Litauer³³... – И весело, по-мальчишески широко, улыбнулся.

Савушкин насторожился. Хлопцы прокололись? Стараясь выглядеть всё так же безразлично, пожал плечами.

– Oder Letten, ich werde es definitiv nicht sagen, ich spreche Russisch mit ihnen.³⁴ – А что? Может инженер организации Тодта знать русский язык? Может. Может говорить по-русски со своими подчинёнными? Может. Тут вроде ничего криминального нет...

Комиссар удовлетворённо кивнул. И, посмотрев на надпоручика, очевидно утратившего даже видимость интереса к допросу – произнёс вполголоса:

– Русский вы владеет так же хорошо, как и немецкий? – И, не давая опомниться ошарашенному Савушкину, добавил: – Вечер я зайду в ваш помещение, нам надо поговорить...

Твою ж мать! Савушкин обескураженно кивнул, не зная, на каком языке нужно отвечать. Комиссар сухо и деловито промолвил:

³² Мой радист – русский. У Тодта половина сотрудников – не немцы. Вы этого не знали?

³³ Я знаю. Ваши унтер-офицеры не немцы. Говорят, что литовцы.

³⁴ Или латыши, я точно не скажу, я говорю с ними по-русски.

– Ich darf dich nicht mehr belästigen, du wirst in die Zelle gebracht.³⁵ – И подмигнул Савушкину, окончательно запутав капитана в его мыслях....

Как только за капитаном и его заместителем, скрипя, заворилась дверь и проскрежетал замок – Котёночкин тревожно спросил у своего командира:

– Разоблачил?

Савушкин кивнул.

– Похоже, да. Но афишировать сей факт, как я понял, совсем не хочет...

– Странно.

– Да нет, всё логично. Парень этот показался мне толковым и грамотным, и, похоже, ситуация в батальоне ему не шибко нравится. Кто мы такие – он понял, и сегодня вечером придёт побалакать – чтобы, как я понимаю, для себя все точки над і расставить окончательно. И уже исходя из этого – или нам помочь, или нет. Так что готовься....

– Всегда готов! – И уже серьезно: – Товарищ капитан, сегодня шестое сентября, а мы спокойно сидим на словацкой гауптвахте и кнедлики жрём...

Савушкин кивнул.

– Жрём. Потому что наша задача на данный момент – максимально использовать ситуацию для накопления сил, так как ничего другого мы пока сделать не можем. Тебе кнедли-

³⁵ Не смею вас больше беспокоить, вас отведут в камеру.

ки не нравятся?

– Нравятся. Но мяса можно было бы класть побольше... Да и ожидание это...

Савушкин улыбнулся.

– Слышу тлетворное влияние старшины Костенко на неокрепшие умы молодых офицеров... – И, согнав улыбку с лица, добавил: – Ждать тоже надо уметь.

Тут раздался душераздирающий скрежет дверного замка, дверь, исполнив свою традиционную ржавую арию, распахнулась – и на пороге появился давешний парень из канцелярии батальона.

– Meine Herren Offiziere, lassen Sie mich rein?³⁶

Савушкин молча кивнул. Комиссар, старательно прикрыв дверь – вошел в камеру и спросил вполголоса:

– Welche Sprache sprichst du am liebsten? Für mich sind sowohl Deutsch als auch Russisch nicht Muttersprachler, aber ich besitze sie erträglich.³⁷

Капитан едва заметно усмехнулся. С козырей зашёл комиссар.... Ну и правильно, чего тянуть кота за хвост! И ответил так же негромко:

– Давайте по-русски, чего уж там...

– Хорошо. Правда, мой русский не есть совсем настоящий, но я два года пробыл на Восточный фронт.

³⁶ Господа офицеры, вы позволите войти?

³⁷ На каком языке вам удобнее разговаривать? Для меня и немецкий, и русский – неродные, но владею я ими сносно.

– Воевали? – Спросил Котёночкин.

– Тридесят один артиллерийский пулк. Ординарский для командир чварта батарея. Сначала Украина, Винница, Бела Церковь... Потом Днепр. Потом был под Харьков, в май чetyредесят два год наш пулк потерпел... Как это по-русски, катастрофа?

– Поражение, – подсказал Савушкин.

– Да. Поражение. – Комиссар смолк, собрался с мыслями и продолжил: – Я забил представится. Я есть комиссар други пехотны батальон. Называюс Рудольф Яшик. С Кисуц. Это у нас горы и река така – Кисуца, тут недалеко. Можно сказать, я абориген, – и, сказав это, комиссар чуть застенчиво улыбнулся.

– А после Харькова? – Спросил Савушкин.

– Наш пулк вывели в резерв, дали новый гаубица и солдаты з офицерами – и мы в осень чetyредесят два год оказались на Кубань. Кавказ. Станица Горячий Ключ...

– Ого! – изумился лейтенант.

Комиссар усмехнулся.

– Да, два с половина тысяча километр от Кисуц... Там наш пулк дали по батарея разный немецкий батальон, наш батарей сгинул подчас марш район Тихорецкая. С рассвет пришли танки и всё раздавили... Оставших живым солдаты и офицеры вывезли Ростов и далее Житомир. В апрель чetyредесят три год я и мой друг Павел Гавалда попали под военный суд... или как правильно будет по-русски?

– Трибунал, – подсказал капитан.

– Да, трибунал. Обвинение в дезертирах. И коммунистический пропаганда. Суд отправил меня домой в военная тюрьма Ружомберок. Неделью назад освободили...

Савушкин понял, отчего комиссар так скверно выглядит – тюрьма, хоть словацкая, хоть немецкая – никого не щадит... Нездоровая бледность лица, мешки под глазами, впалая грудь, время от времени прорывающийся сухой, резкий, рваный кашель – сколько, интересно, он отсидел? Ладно, пока не до этого.... Савушкин спросил Яшика:

– Товарищ комиссар, что решил комбат по нашему поводу? И как наши ребята?

Словак улыбнулся.

– Спят, едят, играют карты и ругают наши разносчики питания – мало еды. Надо больше...

Значит, хлопцы в порядке... Савушкин покачал головой:

– Это хорошо, но нам важно знать, что нас ждёт.

Комиссар помолчал, а затем, что-то для себя решив – ответил:

– Завтра я вас вывезу отсюда. Поедете по свои дела. Только....

– Только? – Савушкин внимательно всмотрелся в глаза словака.

– Я должен быть уверен, что вы – те, что я думаю.

Савушкин кивнул.

– Мы – те. – Помолчав, добавил: – Больше я ничего ска-

зять не вправе, но поверь, Рудольф – отпустив нас, ты сделаешь очень важное дело для вашего восстания. Очень!

Комиссар помолчал, а затем ответил:

– Хорошо. Я понимаю. Наш батальон завтра идет Жилина. Надо грузить много запасы – патроны, консервы, пионерская амуниция, бензиновые канистры... У нас семьдесят машин. Это мало, надо двасто. Будем брать приватны. Будет много шум, дискуссия с владельцы ауто. Перевоз батальон – это очень большой проблем. Надпоручик Дорчак будет не до вас. Я напишу ваша группа пропуск – до Маков. За Маков – Моравия.

Савушкин кивнул.

– Годится. У вас есть сведения о немецких частях в Моравии?

Комиссар пожал плечами.

– Нет. Всё, что ми знаем – это про скупина Волкманна. Скупина – это по-словацки, немцы говорят «боевая группа», Kampfgrupp. Тут, на север, немцы нет. Они за Жилина. На запад. Битча, Тренчин, Пештяны, Малацки... Там немцы.

Лейтенант Котёночкин бросил:

– Как вы и говорили, товарищ капи... – Савушкин бросил на своего заместителя яростный взгляд, тот на полуслове поперхнулся, откашлялся и продолжил: – ... герр гауптман...

Савушкин, сделав вид, что не заметил оплошности своего лейтенанта – произнёс:

– В Венгерской Горке стоит восемьдесят пятый танцер-

гренадерский полк. Часть танковой дивизии «Татра» – против вас. В смысле – эта дивизия специально сформирована для подавления восстания. Танков у них немного, по словам одного фельдфебеля – всего тридцать-сорок, но солдат достаточно. Тысяч семь, не считая всяких тыловых частей. Танковая – не танковая, но дивизия. Артиллерия по полному штату.

Комиссар кивнул.

– Большое спасибо! Я сообщу велитель батальона. Надпоручик Дорчак стажировался под Берлин, Цорндорф, ему тяжело думать, что немцы – враги...

– Понимаю. Но придется сжиться с этой мыслью. наших ребят предупредишь?

– Так ест! Сейчас буду у них. Скажу, чтобы готовились в дорогу.

– Удачи, комиссар!

Вместо ответа Яшик молча отдал честь, пожал обоим офицерам руки и вышел из камеры.

Как только замок проскрипел свою традиционную арию – Савушкин, обернувшись к лейтенанту, произнёс:

– Балбес ты, Володя, конечно, но, похоже, твоя ошибка нам в строку. Как и разгильдяйство Строганова. Я ему, конечно, за этот обрывок вставлю пистон, но благодаря этому комиссар, похоже, окончательно поверил в то, что мы – никакие не инженеры и техники Тодта. Что в данной ситуации нам в безусловный актив... – Помолчав, добавил: – А

теперь – спать! Завтра нас ждёт Моравия!

Глава третья

В которой выясняется, что «по долинам и по взгорьям» – это не только о дальневосточном Приморье...

– К бою! – Тихо, так, чтобы слышали лишь его бойцы – скомандовал Савушкин. И добавил так же вполголоса: – Оружие доставать незаметно, никаких резких движений. Огонь по команде и сразу на поражение. Цели по часовой стрелке, Некрасов – заигрывающий, с толстого увальня в пилотке...

«Хорьх» разведчиков, настороженно урча мотором, тем временем переползал через мост над горным ручьём, весело бегущим к Кисуце. На той стороне машину поджидала группа из шести вооруженных людей в немецкой военной форме. До Макова, судя по карте, оставалось ещё километров пять, территориально это была ещё Словакия, и что здесь делала эта группа – Савушкину было решительно непонятно. Кто эти люди? Что они здесь делают? В любом случае – надо быть готовыми к открытию огня...

Как только «хорьх» съехал с моста – один из неизвестных, выйдя на середину дороги, властно поднял руку вверх и резко её опустил. Понятно, требует остановиться.... Савушкин всмотрелся в правый рукав его кителя – и вполголоса скомандовал:

– Огонь!

Разведчики мгновенно вскинули оружие и в считанные секунды опорожнили магазины своих пистолетов – из шестерых неизвестных ни один не успел даже поднять свой карабин. Некрасов буркнул:

– Как на стрельбище...

– Из машины! – Скомандовал Савушкин. Разведчики быстро покинули «хорьх» и, без лишней суеты, тут же заняли огневые позиции вокруг машины – сторожко вглядываясь в окружающие горы, контролируя каждый свой сектор наблюдения. Лейтенант, присев на одно колено и держа «вальтер» наизготовку – спросил Савушкина:

– Товарищ капитан, а мы не поторопились?

Капитан отрицательно махнул головой.

– Нет. Глянь на их шевроны.

Котёночкин, не сводя глаз со своего сектора, перевернул ближайшего к нему покойника, одёрнул рукав – и, кивнув, произнёс:

– Тюркистан. И лук со стрелой. Что это?

– Первый восточно-мусульманский полк СС.

– Наши?

– Бывшие наши.

– Ну да. Монголоиды. Похоже, казахи или в этом роде....

Но мы ж теперь вроде как с ними по одну сторону? Хотя они СС, а мы – тодтовцы...

– Их здесь быть не должно. Сейчас их полк режет варшавских детей. Эти шестеро – дезертиры.

Тут в их разговор вмешался Костенко:

– Товарищ капитан, а шо они тут робили, тые казахи? И мы им для чого?

Савушкин усмехнулся.

– Думаю, собирались позаимствовать нашу машину. На «хорьхе» всяко комфортнее до Италии добираться...

– До Италии? – Изумился Костенко.

– Ну это я просто предполагаю. Может, в Швейцарию. Куда они планировали дезертировать – теперь не узнать, покойники – народ неразговорчивый... ладно, сворачиваем с этой дороги. Мы тут наследили.... Володя, глянь по карте, куда можно свернуть? Женя, Витя – добейте бывших соотечественников.

Снайпер и радист молча перезарядили свои пистолеты, раздалось шесть выстрелов – после чего Некрасов буркнул:

– Сделано.

Лейтенант, изучив карту, доложил:

– Товарищ капитан, через километр – поворот налево, в горы. Но там...

– Что там?

Котёночкин пожал плечами.

– Дорога идет к перевалу, но не доходя до него – кончается...

– Тогда не годится. Дальше?

– Через четыре с половиной километра будет Маков. От него есть дорога на Битчу. Тоже через горы, но, по крайней

мере, она есть.

– Битча, Битча... Не помнишь, лейтенант, что комиссар Яшик говорил про эту Битчу?

Котёночкин почесал затылок.

– Не, не помню. Вообще не помню этого названия.

Савушкин снисходительно улыбнулся.

– Что-то ты молод для склероза... А говорил он, что там немцы. Какие-то боевые группы.... И в Битче этой, и дальше на юг, до самого Дуная. То есть нам нет нужды выправлять пропуск в Моравию! Абсолютно легальный повод прошерстить всю западную Словакию с севера на юг и выполнить приказ командования – не сильно рискуя.... Что есть гут. – Помолчав, решительно скомандовал: – В машину! – И добавил: – Костенко – за руль.

Вскоре они добрались до первых домиков Макова – от которых налево, в горы, уходила плотно укатанная просёлочная дорога, скрывающаяся среди молодого ельника.

– Олег, налево. – Старшина кивнул, вывернул руль и съехал с шоссе на просёлок.

Первые минут двадцать вверх «хорьх» бежал бодро: подъём был шадящий, да и грунтовка оказалась вполне себе ухоженной – но через пару километров всё стало намного хуже. Крутые серпантины, густые заросли, подступавшие к самой дороге, корни деревьев, превращающие дорогу в полосу препятствий – всё это серьезно снизило скорость движения. Наконец, на очередном повороте Костенко, выругавшись, обер-

нулся к остальным разведчикам и бросил зло:

– Всё, вылазим! Дальше пешком!

Котёночкин с Некрасовым и Строгановым, не говоря ни слова, покинули «хорьх». Савушкин, прежде чем оставить машину, спросил:

– Что, не тянет?

Старшина отрицательно покачал головой.

– Нэ йидэ. На второй вже глохнет. Хочь бы до перевала добраться....

Капитан кивнул и покинул своё кресло. «Хорьх» облегчённо пыхнул и уже куда веселее пополз вверх.

Пешком в гору оказалось не так уж и трудно идти – благо, вся поклажа осталась в машине – тем не менее, добраться до верхней точки перевала им удалось лишь к закату. Там их поджидал Костенко – успевший за те полтора часа, что они тащились вверх, поставить палатку, укрыть свежесрубленными буковыми ветками «хорьх», развести огонь, и даже сварганить какой-никакой ужин – в котелке, висящем над пламенем, что-то довольно интенсивно булькало. Савушкин лишь удовлетворённо кивнул – на то и старшина, чтобы личный состав был покормлен и обустроен...

Костенко, критически оглядев подошедших к расположению разведчиков, покачал головой и сказал:

– Ось чего-чего, а горной подготовки у нас не хватает....
Так, товарищ капитан?

Савушкин кивнул.

– Ничего, мы на практике доберем, в процессе... – И, обернувшись к лейтенанту, спросил: – Володя, мы сейчас где?

– Горный массив Яворник. Вообще горы называются Кисуцы, это западная часть северного фаса Карпатского хребта. Мы сейчас где-то на девятистах метрах над уровнем моря. С севера массив ограничивает долина Кисуцы, с юга – Вага. Вообще малонаселённые горы – ну да вы сами всё видите....

Савушкин кивнул.

– Бачим. Пока вдоль реки ехали – постоянно деревеньки и всякие хутора, а по горам этим за пять часов – ни одной живой души... Ладно, всё, располагаемся. Олег, ты чё там варишь?

Старшина пожал плечами.

– А хиба есть выбор? Кулеш з мясных консервов и пшена напополам с горохом... Шо було.

– Годится. Витя – ты часовой, наблюдаешь за дорогой. Женя, готовь рацию к работе, лейтенант – помогаешь Костенко – готовить ужин. Я пока составлю шифровку...

Тишина в горах просто давила на уши – давненько Савушкин не слышал такой пронзительной, звенящей тишины... Как будто нет никого на Земле, кроме них, и тем более – нет никакой войны, полыхающей на половине мира... Вокруг, куда хватало глаз – величественные вершины, укрытые густым ельником, с буковыми лесами у подножий. Ни деревеньки, ни дымка вокруг... Как там, в Ветхом завете, кото-

рый втихоря читал им профессор Ямпольский? «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» ... Как раз про их ситуацию.

– Готово, товарищ капитан! Пробу будете снимать? – Костенко вернул его к реальности. Савушкин вздрогнул, потряс головой, оглянулся и ответил:

– Накладывай сразу, что там церемонии разводить... Котелки не потеряли?

– Ни, вси на мисти.

– Зови ребят. – И пока Костенко опорожнял котёл – капитан, достав из планшета листок бумаги и химический карандаш, набросал радиограмму. Благо, докладывать было особо нечего – «Находимся в Кисуцах, направляемся в Битчу. Сведениями о немецких войсках пока не располагаем. Информации о восстании нет. Местных жителей опросить не можем. Штефан». Хотел дописать, что не можем опросить местных за отсутствием оных – но передумал: зачем вхолостую воздух сотрясать? Пеленгаторов у немцев тут точно нет, расшифровать сообщение они вряд ли смогут, но впустую засорять эфир – в любом случае глупо.

Ночь в здешних горах наступает мгновенно – они столкнулись с этим ещё в Силезских Бескидах: только что вокруг были донельзя живописные горы, поросшие лесами – и вдруг на окрестности рушится безоглядная тьма, хоть глаза выколи. Здесь произошло то же самое – ночь в одночасье укутала горы густой, чернильно-чёрной тьмой, и лишь огонёк костра

бросал оранжевые блики на утонувший в темноте «хорьх» и разведчиков, старательно очищающих свои котелки.

После ужина Некрасов вернулся на пост, радист со старшиной заползли в палатку, Котёночкин же, усевшись на пригорке рядом с Савушкиным, помолчав, спросил:

– Товарищ капитан, те шестеро, что внизу... Как вы думаете, почему они предали Родину?

Савушкин вздохнул. Вот же неугомонный юноша, всё ему надо знать... И ответил:

– Не знаю, Володя, да если честно – и знать не хочу. Они не люди, они – бешеные животные, ставшие такими по собственному желанию, и мне плевать на то, каковы причины их бешенства. Из ненависти к Советской власти, или под влиянием обстоятельств – как они это обычно объясняют – мне всё равно. Они добровольно решили сделаться нашими врагами – это главное. – Помолчав, спросил: – Помнишь того пулемётчика, что мы взяли под Бельничками? Палача из штаб-лага под Бобруйском?

Котёночкин кивнул.

– Помню. Редкостная гнида...

– А у него тоже мама есть, с войны его ждёт, и не он виноват в том, что пленных наших расстреливал, а стечение тяжких обстоятельств. Как он плакался, что голодом морили в лагере, как спать не давали... Всех морили. А пулемет в руки взял он.... – Савушкин замолчал, задумавшись, а потом продолжил: – Мы, когда из окружения под Киевом выходили,

в сентябре сорок первого, на таких насмотрелись...на проигравших. Время было – не приведи Господь, немцы прут по Украине – аж пыль столбом! Казалось – всё, кончилась Советская власть.... Не выстоять. И ты знаешь – ведь тогда многие так думали... Одни дезертировали – коль удавалось рядом с домом проходить. Другие бросали винтовки и плена дожидались. А третьи... Третьи самые поганые – к немцам перебегали. Предлагали им свои услуги. Желали побыстрее попасть к победителям в холуи и лакеи... Чтобы над бывшими своими пановать. И много их было, лейтенант, очень много... Тогда ведь почти что весь Юго-Западный немцы под Лохвицей окружили – с двух сторон танковые клинья сомкнув. И в котле оказался весь фронт – почитай, под миллион человек. И вместо того, чтобы организованно сражаться, биться насмерть, а если прорываться – то всей массой – расползся фронт в одночасье, как гнилой гарбуз... Кто куда кинулся – и везде этих беглецов немцы били малой силой – а чаще просто в плен брали. Немецкому ефрейтору на мотоцикле полками сдавались! Пакостно об этом вспоминать – но надо...

– А вы, товарищ капитан?

Савушкин пожал плечами.

– А что я? Я – молодой лейтенант, только кубики пришил к петлицам. Переводчиком при штабе полка... Помню, пятнадцатого сентября собрал нас, командиров, комполка наш, майор Лиховертов – мы только из боёв под Нежиным вышли,

отдыхаться чуток – и говорит, де, хлопцы, дела хреновые, похоже, окружили нас фрицы. Штаб фронта сдёрнул, дивизионные начальники погрузились в эмки и подались на восток, и у нас один шанс спастись – полком, организованно, из окружения пробиваться. Насмотрелись мы, пока к Конопуту шли, на то, как целый фронт ни за понюх табака пропадает... Вся степь – в горящих машинах... тысячные толпы шарахаются по степи той, ни приказов, ни снабжения, ни боевых задач... Профукал Кирпонос³⁸ свой фронт. Просрал. И сам погиб, и фронт погубил. Четыре армии!

– А ваш полк?

– А наш полк у Батурина через Сейм ночью переправился,

³⁸ Михайл Петрович Кирпонос – генерал-полковник, 14 января 1941 года назначен на должность командующего Киевским Особым военным округом. С началом Великой Отечественной войны Киевский Особый военный округ был преобразован в Юго-Западный фронт, и генерал-полковник М. П. Кирпонос был назначен на должность командующего фронтом. В первой половине сентября немцы ударом с севера и юга окружили ЮЗФ в районе Лохвицы. Не имевший резервов фронт не остановил наступление передислоцированной с Московского на южное направление 2-й танковой группы Гудериана. К 14 сентября в окружение попали 5-я, 21-я, 26-я и 37-я армии. 20 сентября 1941 года сводная колонна штабов Юго-Западного фронта и 5-й армии подошла к хутору Дрюковщина, находящемуся в 15 км юго-западнее Лохвицы, где была атакована главными силами немецкой 3-й танковой дивизии. В группе оставалось не более тысячи человек, из них около 800 командиров, в том числе командующий фронтом Кирпонос, члены Военного совета Бурмистенко, Рыков, начальник штаба Тупиков, генералы управления фронта Добыкин, Данилов, Панюхов, командующий 5-й армией Потапов, члены Военного совета армии Никишев, Кальченко, начальник штаба армии Писаревский, комиссар госбезопасности 3-го ранга Михеев. Понимая безвыходность положения, будучи раненым, командующий фронтом застрелился.

и наткнулся на окружные склады. Пополнили мы боезапас по максимуму, топлива для машин, снарядов для пушек нагрузили сверх возможного – и двинулись поначалу на Конотоп. Да вовремя понял наш комполка, что тупик там – и обратно, к Сейму, повернул. И по лесам на восток двинулись... Полком, побатальонно, дисциплину удерживая из последних сил.... У нас ведь тоже всякого народа в строю имелось, и желающих войну закончить – не меньше, чем в иных частях, к тому времени начисто развалившихся... Но комполка наш оказался мужиком жёстким. Троих бегунков – родом они были из-под Чернигова – своей рукой застрелил перед строем. В Хижках – это уже на краю леса, у Сейма – прибил к нам какой-то генерал с адъютантом да ординарцем, что два чемодана волок за ними – так Лиховёртов своей властью содрал с того генерала петлицы со звёздами и разжаловал в рядовые. А чемоданы велел в Сейм выбросить... Так и прорвались. На одной воле к победе и упрямстве запредельном нашего майора...

– А потери?

Капитан вздохнул.

– Были потери, чего уж там... Начали мы отступление от Десны, имея в строю чуть поболее восьмиста штыков. А в Рыльске, уже после прорыва, посчитались – осталось нас триста тридцать шесть человек, командиров и красноармейцев... Дорого нам стал этот прорыв. Но всё ж прорвались... – Помолчав, продолжил: – Я к чему, Володя, это всё поминаю?

К тому, что выход — он завсегда есть. Просто иногда его не видно с первого взгляда... Вот эти шестеро, что мы у ручья положили — его не увидели. В окружение ли попали, сами ли смалодушничали и оружие бросили — не важно. Важно, что сломалась у них вера в свой народ, в свою страну. И решили они, что ради спасения душонок своих жалких можно винтовки бросить, руки вверх поднять и на немецкую сторону, подобрав полы шинелей, живенько переметнуться. Лишь бы жизнь свою сберечь... Не сберегли. И остальные, что переметнулись на сторону врага — они ведь мёртвые, хоть пока и ходят, говорят, жрут да пьют... Мёртвые. Потому что прокляли их — мы, те, кто выстоял. Матери и отцы наши, живые и мёртвые. Дети наши, девчонки, что на танцульки перед войной бегали... Мы, народ. Нет им прощения, и каждого найдёт кара. И этих шестерых не мы сегодня убили — мы просто приговор народа нашего привели в исполнение... — Савушкин, помолчав, глянул на звёзды, густо высыпавшие на ночном небе, и, вздохнув, бросил: — Всё, дрыхнуть! Завтра трудный день...

— Сегодня, Олег, нам заблудиться будет мудрено. Дорога одна. Ни съездов, ни развилок, ни перекрестков — до самой Битчи всё вниз и вниз. Никуда не сворачивая... Так что — по коням!

Утро наступило так же внезапно, как давеча пришла ночь. Только что вокруг было — хоть глаз выколи, ан глядь — из-

за дальних хребтов едва забрезжило, вокруг посветлело, и не успели разведчики умыться – опп-ля, пожалуйста бриться, утро, как в песне поётся, красит нежным светом... Завтракали уже при ярком дневном солнце. Горы...

Старшина кивнул.

– Добре. Только шоб коробка сдюжила. Мне как-то корешок мой, Денис, рассказывал – он шофёром на лесозаготовках на Урале работал – спуск иной раз тяжелей, чем подъём. С передачи на нейтралку ни-ни! Понесёт – мявкнуть не успеешь, как под откос уйдёшь. А откосы тут – о-го-го! Ущелья такие – лететь минут пять будешь!

– Ну, раз ты в курсе – тебе и все карты в руки... – Обернувшись к остальным разведчикам, Савушкин добавил: – Спускаемся в немецкую зону, так что ушки на макушке... Тем более – форма на нас такая же, как на словаках, только повязки с пауком – всё различие. Посему – бдительность и осторожность! Оружие проверить!

Мда-а-а, угораздило ж их с этой формой Тодта... Хотя – кто ж знал? Когда этот дружок нашего барона документы нам выправлял – ни о каком словацком восстании никто и слыхом не слыхивал. Всё не предугадаешь...

– Лейтенант, отойдём!

Вдвоём с Котёночкиным, пока хлопцы грузились, они отошли к дороге.

– Так, Володя, в ближайшее время есть вероятность встречи с нашими формальными соплеменниками. А форма на

нас – бывшей чехословацкой армии.... Как у взбунтовавшихся словаков. Ergo?

– Как тот Костенко сказал, мявкнуть не успеем... – проронил лейтенант.

– Так точно. Поэтому чуть что – прячемся в лесу. Но это не главное....

– А что главное? – С любопытством спросил Котёночкин.

– Нужен язык. Желательно офицер. В идеале – штабной. С картами. И разговорчивый...

Лейтенант покачал головой.

– Ну вы, товарищ капитан, мечтатель... Дайте попить, а то так есть охота, что аж переночевать негде... Где ж такого найти?

– Найти – найдём. Я вот думаю – как допрос вести? По жёсткому сценарию или по деликатней?

– Я думаю – по обстоятельствам. Но лучше помягче. Толку обычно больше...

Савушкин кивнул.

– Здорово. Но ежели по деликатней – придется ему жизнь пообещать.

Котёночкин насупился.

– Где ж мы её возьмём?

Капитан вздохнул.

– Придётся изыскать...

Лейтенант хотел было что-то возразить, но затем, зачем-то внимательно оглядев форму своего командира, про-

изнёс:

– Но ведь его в плен могут взять и словацкие повстанцы, правильно?

Ещё не совсем понимая, куда клонит его заместитель, Савушкин кивнул:

– Правильно, могут.

– Ну вот! Пусть его повстанцы и схватят. Из лесу пешком вышедшие. Плохо говорящие по-немецки. В старой чехословацкой военной форме... И допрос учинят, жизнь пообещав, если словоохотливым будет. А потом – отпустят. И этот язык, к своим вернувшись – доложит по команде, что на маршруте следования его схватили злобные словаки. Допросили и отпустили, побоялись под удар возмездия попасть. И мы тут – никаким боком не причастны. Словацкие инсургенты всему виной...

Савушкин хлопнул себя по лбу.

– Вот я тупица! Молодец, лейтенант! – Обернувшись и про себя констатировав, что бойцы собрались и ждут только их – добавил: – Всё, по коням, хлопцы готовы...

Часа два спуск был спокойным – хотя Костенко время от времени и ругался сквозь зубы; но «хорьх» слушался его команд, дорога, хоть и малость подзапущенная – проблем не порождала, и Савушкин уже начинал было думать, что до Битчи удастся добраться без приключений – когда на исходе второго часа пути его слух уловил далеко впереди что-то весьма отдалённо похожее на металлический лязг.

– Олег, стоп! – Старшина тотчас остановил «хорьх». Капитан, напряженно вслушиваясь, поднял руку – экипаж затаился, замерев на своих местах. Минуту Савушкин молчал, слушая окружающий мир – после чего кивнул: – Есть. Костенко, вон, впереди, справа, метрах в тридцати, прогалина вглубь леса уходит. Видишь?

Водитель кивнул.

– Бачу.

– Туда. Живо!

Слишком далеко в лес углубиться не получилось – метрах в пятидесяти от съезда с просёлка поперек прогалины лежал ствол здоровенного старого бука, поваленного бурей года два-три назад – поэтому Савушкин приказал закидать «хорьх» ветками, причем так, чтобы с дороги не было видно ни единого блика от боков и стёкол автомобиля. Разведчики живо нарубили лещины и укрыли машину – после чего, вернувшись к дороге, заняли позицию в полутора десятках шагов от опушки.

Слух не подвёл Савушкина. Прошло всего четверть часа – как из-за поворота серпантина в виду позиции разведчиков показалась головная застава на трех «ганомагах», впереди которых задорно скакал по ухабам мотоцикл с коляской.

– Всем затаиться и не шевелиться! Дышать через раз! –скомандовал Савушкин своим – впрочем, больше для порядка: народ был опытный и жизнью битый. Разговоры их немцы не услышат за рёвом своей техники, а вот подозритель-

ное шевеление в зарослях – могут и углядеть. И на всякий случай пальнуть по кустам, бывали, знаем...

Минуты через три показалась голова основной колонны немцев. Савушкин, вглядевшись в наползающую на них стальную змею, про себя присвистнул – ничего себе учебная дивизия! У нас так гвардейские танковые корпуса не комплектуют!

– Лейтенант, считаешь грузовики тентованные и бронетранспортеры, Костенко – танки и зенитки, если будут, Некрасов – противотанковые самоходки, Строганов – гаубицы, отдельно самоходные, отдельно буксируемые. – Вполголоса скомандовал капитан, и, достав блокнот с карандашом – расчертил лист на пять колонок.

Колонна ползла мимо разведчиков больше трех часов, отравляя девственный лес Кисуц тяжелым ядовитым соляровым выхлопом. Немцам, казалось не было ни конца, ни края. Бронетранспортеры, грузовики, самоходки, снова грузовики, танки – но их, несмотря на название дивизии «танковая», было немного, батальон, от силы – потом снова грузовики, тягачи с орудиями на прицепе.... Наконец, мимо разведчиков протарахтели три мотоцикла замыкающей заставы – и разведчики смогли перевести дух.

Первым едва настроившуюся тишину нарушил Костенко: – Ничего соби учебная дивизия... Танков не дуже много, всего тридцать сим, но зато вси – четверки последних выпусков, все в экранах....

Савушкин кивнул и в графе «танки» поставил цифру 37, в скобках добавив «Т-4». Подняв голову, приказал:

– Остальным тоже доложить. – Спohватившись, спросил у старшины: – Олег, зениток не было?

– Ни. Не було. Тилько три транспортера со спаренными «эрликонами».

Капитан махнул рукой.

– Им бояться с неба некого. Ладно, слушаю остальных.

Котёночкин, покачав головой, произнёс:

– Сто шестьдесят семь трехтонных «блитцев», сорок две пятитонки разных марок, и наших «захаров» двенадцать штук – в конце ползли. Плюс восемнадцать «ганомагов». Считая с разведкой – двадцать один бронетранспортер. Ещё пять французских «панаров», броневииков трофейных.

Савушкин в графу «грузовики» поставил цифру 221, добавив под ней «26 БТР и БА»

Некрасов, тяжело вздохнув, доложил:

– Двенадцать «хетцеров». Маленький, но ядовитый, чёрт, чехи их строят. Мы такие же под Студзянками видели, в прошлом месяце. Вёрткий, зараза, приземистый, из-за кустов его и не увидишь – а пушка там будь здоров! Выскочит, наделает делов – и в кусты, сволочь.... – Снайпер в сердцах сплюнул. Затем продолжил: – И двенадцать «мардеров» – вроде так они называются, тоже на базе шасси старого чешского танка и с пушкой в открытой рубке.

Савушкин молча кивнул и в графу «противотанковые

САУ» записал 24.

Радист почесал затылок.

– Не силён я в марках. Куда мне до Некрасова....

Савушкин сухо оборвал его:

– Не до шуток. Хотя бы калибры можешь назвать?

– Да чёрт их там разберет, пушки – точнее, гаубицы – уже в конце колонны шли, всё в соляровом дыму было, ни хрена не разберешь.... Если только навскидку – где-то двадцать три или двадцать четыре стопятки, на буксире, и двенадцать их же, но самоходных. Да, ещё восемь транспортеров с полковыми миномётами. Тяжёлой артиллерии не бачив.

Савушкин кивнул, буркнув: «А зачем она им в горах?», зафиксировал наблюдения радиста, вырвал листок, протянул Котёночкину.

– Володя, составь общий баланс – чтоб донесение написать. Куда, как ты думаешь, эта бронированная орда подалась?

Лейтенант, открыв планшет и доставая карту, ответил:

– А вот сейчас и глянем.

Карту разложили на пеньке. Савушкин, всмотревшись в сплетение горных хребтов, узкие ложбины речных долин и редкие населенные пункты – уверенно промолвил:

– На Чадцу. Там они соединятся с остальными частями «Татры», идущими из Силезии, и вместе двинут на юг. Жилина не устоит, они её махом возьмут, даже не вспотев – с такой-то мощью... А потом долиной Вага двинутся на юго-

восток, на Мартин, и дальше, на Банска-Бистрицу, а параллельно, долиной реки Турец – на Турчанске Теплице. После Кремницы выходя на оперативный простор и тем самым отрезая западную группировку восставших, оперирующих в Нитранской котловине, от центра восстания – Банска-Бистрицы. Которую и возьмут. И поставят инсургентов в пятую позицию. Банска-Бистрица – шверпункт восстания, немцы это отлично понимают, и ударят по ней всеми силами. Шах и мат в один ход....

Котёночкин покачал головой.

– Товарищ капитан, это ваши предположения. Силы противника мы выяснили, но намерения его пока нам не известны. Поэтому предлагаю остаться здесь, в засаде, и наш план, какой мы придумали утром – всё же в жизнь воплотить....

Савушкин нахмурился, собираясь что-то возразить – но затем, хмыкнув, бросил:

– А ты прав, лейтенант.... – После чего, оглядев своих бойцов, коротко приказал: – По местам. – И добавил: – Ждём одиночный связный кубельваген или мотоцикл с офицером на пассажирском месте. Некрасов, на тебе – водитель. Костенко, лейтенант – группа захвата. Снимите повязки тодтовские. – Секунду подумав, продолжил: – Я с вами. Мало ли что...

Часа полтора на дороге решительно ничего не происходило, день уже предательски клонился к вечеру – разведчики начали уже было клевать носами – но, наконец, внизу, где-то

в километре от расположения разведгруппы, раздался слабо слышимый звук мотора. Савушкин поднял руку.

– Группа, внимание! Витя, готовность раз!

Глава четвертая

О том, что нравственный выбор далеко не всегда бывает между подлостью и честью...

Из-за того же поворота в трехстах метрах ниже засады, откуда давеча выползла колонна немецкой бронетехники – показалась оливковая «школа рапид», скорее всего, трофейная, из автопарка почившей в бозе чехословацкой армии. Савушкин вскинул к глазам бинокль, всмотрелся в натужно пробирающуюся по колеям, взрытым тяжелой техникой, «шкодовку» – и удовлетворённо кивнул: в машине было двое, водитель в полевом кепи и офицер, судя по плетёным погонам – майор, не ниже. И что самое приятное – майор этот держал перед собой на коленях здоровенный кожаный портфель. Наш вариант!

– Витя, как только поравняются вон с тем камнем, – Савушкин указал на стоящий у обочины, метрах в двадцати от засады, валун из серого гранита, – бей по водителю, второй выстрел – по ближним колесам; нам надо, чтобы машина пошла в занос налево, к нам. Не дай Бог, уйдет под откос на правую сторону – там ущелье, метров триста глубиной; тогда плакал наш язык....

Снайпер кивнул и скупно бросил:

– Принято.

Как только «рапид» поравнялся с валуном, назначенным

ориентиром снайперу – раздался винтовочный выстрел, а затем сразу же – второй. «Шкода» завиляла, взревела мотором, взрыла колею, и, выпустив клуб сизого дыма – заглохла, увязнув в глубокой грязи.

Савушкин вместе с Костенко и лейтенантом рванулись к машине. Мёртвый водитель, уткнувшийся в рулевое колесо, закрыл своему пассажиру обзор влево и дал им выиграть три секунды – майор с портфелем, изумлённо-растерянно смотревший на происходящее, даже не успел потянуться к своей кобуре – и тут же был грубо вытащен из салона «шкоды».

– Name, Rang, Position, Zweig der Armee?³⁹ – пролаял Савушкин намеренно грубо и громко. Пленный должен быть приведен в состояние полного ужаса, тогда с ним можно разговаривать – известная истина....

Уцелевший немец, глядевший на своих пленителей изумлённо-испуганно – ответил, сбиваясь и путаясь:

– Major Strom, Schatzmeister der Panzerdivision Tatra...⁴⁰

Савушкин про себя возликовал. Казначей! Тыловик! Который знает состав своей дивизии даже лучше её командира! Отлично!

Как можно более страшным голосом Савушкин продолжил:

– Die Zusammensetzung der Division, die Anzahl der

³⁹ Имя, звание, должность, род войск? (нем.)

⁴⁰ Майор Штрот, казначей танковой дивизии "Татра" (нем.)

Kampfgüter, die Kampfmission? Schnell!⁴¹ – И добавил: – Sag die Wahrheit – du wirst leben, das Wort des Offiziers!⁴²

Майор, на лице которого страх постепенно начал меняться на удивление, ответил уже куда более осознанно:

– Panzergrenadier-Kampfgruppe von Ohlen... Sie ging einfach zu Makuv.⁴³ – Подумав, добавил: – Kampfgruppe von Junck aus Schlesien...⁴⁴ – А затем, уже более уверенно, спросил: – Seid ihr Slowaken? Rebellen?⁴⁵ – И, не дожидаясь ответа, уже совсем иным тоном продолжил: – Slováci, prestaňte klamať. Nastúpte do auta, garantujem vašu bezpečnosť.⁴⁶

Савушкин на мгновение растерялся, услышав словацкую речь от пленного майора – и увидел на его лице отражение целой череды чувств. Сначала майор, обратившись к «словакам» на их родном языке, изобразил дружелюбие и покладистость. Через секунду, осознав, что его слова попросту не поняты – его словацкая речь не понята словаками! – по его лицу мелькнула растерянность, которую тут же сменило непонимание – а затем последовало самое скверное: майор понял, что его пленители НЕ СЛОВАКИ... Твою ж мать!

⁴¹ Состав дивизии, количество боевых средств, боевая задача? Быстро! (нем.)

⁴² Скажешь правду – будешь жить, слово офицера! (нем.)

⁴³ Панцергренадерская боевая группа фон Олен... Она только что прошла на Макув. (нем.)

⁴⁴ Боевая группа фон Юнк, из Силезии (нем.)

⁴⁵ Вы словаки? Мятежники? (нем.)

⁴⁶ Словаки, прекращайте валять дурака. Садитесь в машину, я вам гарантирую безопасность. (словацкий)

Савушкин вытащил свой «парабеллум» и тут же, не говоря ни слова, выстрелил майору в лоб. Тот, успев лишь изумлённо посмотреть на капитана – тут же, хрипло выдохнув, повалился на обочину, его ноги рефлекторно черпанули землю – после чего тело майора замерло.

Старшина Костенко, изумлённо глядя на капитана, с трудом выговорил:

– Товарищ капитан, да как же.... Вы ж ему жизнь обещали?

Савушкин, выплюнув горькую слюну, поморщившись, ответил:

– Костенко, без тебя тошно... – И, обернувшись к лейтенанту, спросил: – Котёночкин, ты тоже не понял?

Заместитель Савушкина глухо ответил:

– Понял. Только сейчас дошло....

– Ну вот и разъясни старшине... Портфель заберите, оружие, продукты – и к нашему «хорьху», надо сматывать удочки...

Капитан направился к засаде. На душе было тошно, хотелось заорать от бессилия.... А как по-другому? А никак! Чёртов майор, ну вот на хрена он решил блеснуть своим знанием словацкого? Сейчас бы, живой-здоровый, правда, без портфеля – шкандыбал бы вниз, к Макуву...Полиглот, на свою голову...

За своей спиной Савушкин слышал, как Котёночкин объяснял старшине, тащившему коробку с сухим пайком

убиенных чинов дивизии «Татра»:

– Этот майор, казначей дивизии «Татра», обратился к нам по-словацки. Видно, или служил в чехословацкой армии, или жил тут, и язык выучил. А мы его не поняли! Мы, словацкие повстанцы! И он нас расшифровал – может, и не до конца, но то, что мы ни разу не словаки – понял чётко. Вот капитан его и шлёпнул....

Костенко ответил:

– Тоди всё зрозумило.... Надо нам словацкий было учить...

Савушкин пробормотал про себя:

– Знал бы, где упадёшь – соломки подстелил бы....

Ожидавшие группу захвата Некрасов с радистом изумлённо глянули на их расстроенные лица. Строганов спросил растерянно:

– Да что случилось-то, хлопцы?

Старшина вполголоса ответил:

– Командир начфина фрицевского шлёпнул.... Бо той дуже сильный хвилолог оказавсь....

– И что с того? На то и война, что ж тут такого? – не унимался радист.

Савушкин решил оборвать эту дискуссию, крайне ему неприятную:

– А то, Женя, что в начале допроса я обещал ему жизнь, и слово офицера дал. А сам.... – И махнул рукой.

Радист развёл руками.

– Ну так, товарищ капитан, вы ж не просто так его застрелили, правильно? Значит, была тому причина?

Тут в дискуссию вступил подошедший Котёночкин:

– Была, Жень. Этот немец, майор, с нами вдруг решил по-словацки заговорить. А мы это прочмыхали, не врубились ни черта. Ну он всё и понял.... Словаков в такой же форме вокруг хватает, да только нас – отпусти мы его на волю – стали бы искать очень яро, и нашли бы... Вот капитан его и пристрелил. Во избежание, как говориться...

Радист кивнул.

– Всё правильно. Товарищ капитан, как говорит Костенко, не журытэсь – всё правильно вы сделали. Хвосты надо рубить!

Савушкин тяжело вздохнул.

– Понимаю, что правильно. А всё равно.... На душе тошно. Слово я ему дал, лингвисту недоделанному... А это, Жень, очень плохо, слово своё нарушить. – Помолчав пару секунд, Савушкин, уже совсем другим тоном, продолжил: – Ладно, свернули вечер душещипательных историй и трагических переживаний.... Всё, грузимся, к темноте надо вырулить на равнину. Попробуем как-то затеряться среди немцев... Одеть всем пауков на рукава! Теперь мы опять – инженеры и техники организации Тодта. – Вздохнув, добавил: – Раз повстанцев из нас не получилось...

Вскоре «хорьх» разведгруппы пополз вниз, по изрядно испоганенной техникой танковой дивизии «Татра» дороге на

Битчу. Пользуясь тем, что скорость хода едва ли превышала десять километров в час – Савушкин погрузился в изучение документов покойного казначея «Татры», благо, было их преизрядно. Ведомости на получение жалованья, наградные, наряды на продукты, счета, товарные накладные, требования на топливо, расходные ордера – всё это позволяло изучить боевые возможности новосозданной танковой дивизии более чем скрупулёзно.

Так, командует этой гоп-компанией, назначенной удавить словацкое восстание, некто генерал-лейтенант Фридрих-Вильгельм фон Лопер – гут, примем к сведению. Однако, генерал-лейтенант... Высоковато звание для комдива. Ну да ладно, у немцев свои соображения на сей счет. Так. Два панцергренадерских полка – это мотострелковых, по-нашему, четыре отдельные танковые роты, отдельные артдивизионы, противотанковый батальон.... Густо у них артиллерии, ничего не скажешь, не то, что в наших танковых корпусах.... Так, дивизия делится почти пополам на две боевые группы, одна из Австрии, другая из Силезии, всего на круг почти семь тысяч штыков... Ну, как и говорил тот бензиновый фельдфебель из Венгерской Горки... Нет, не удержатся словакам. С их-то архаичным войском... Не удержатся. Одна надежда – горы будут сковывать манёвр немцев, махом прихлопнуть мятеж у них не получится, а там, глядишь, и наши из-за Карпат подтянутся.... Дай Бог, успеют – при условии, конечно, что перевалы за нами. Но немцы! Вот же чер-

ти, махом дивизию смайстричили, да ещё и какую! Не словацким чета... Танки у фрицев всё больше «четверки», новомодного железа почти что и нет, всех этих бронированных кошек, «тигров» да «пантер» ...да и штурмовых орудий в этой «Татре» густо, правда, всё больше из серии «на тебе, убоже, что нам не гоже» – тем не менее, в словацких условиях даже этот устаревший хлам свою роль сыграет... Толково. Для действий в предгорьях, против слабо подготовленного противника – идеально. Мобильно, много самоходок, лёгких пушек и гаубиц, пехота вся моторизованная. Немцы, что тут скажешь, мастера. На войне уже собаку съели.

Тут Савушкин оторвался от бумаг. Стоп! Что-то нестерпимо знакомое мелькнуло только что перед ним. Что-то такое, что нельзя пропустить... Так, погоди. Как тот майор говорил? Боевая группа фон Олена. Фон Олен?

Савушкин на мгновение застыл, по затылку и спине пробежал холодок. Не может быть! Чёрт! А ведь он, Савушкин, этого фон Олена знает! Как жаль, что покойный майор Штром так не вовремя поторопился показать свои филологические способности – с ним стоило бы поговорить о его командире.... Вряд ли в панцерваффе вермахта много старших офицеров по фамилии фон Олен – и сто марок против словацкой кроны, этот оберст фон Олен – в марте сорок третьего был квартирмейстером сорок восьмого танкового корпуса. В те мартовские дни он был майором генерального штаба, и звали его Конрад фон Олен. И есть у капитана Савуш-

кина к означенному Конраду фон Олену пара-тройка вопросов, на которые очень бы хотелось получить ответы... Жаль, вряд ли получится их задать. А не мешало бы... Ох, как не мешало!

Савушкин, повернувшись к старшине, напряжённо всматривающемся в спускающиеся вниз полукружья серпантина раздолбанной в локуты дороги – спросил его вполголоса:

– Костенко, Харьков помнишь? Март сорок третьего?

Старшина, ни на секунду не отрываясь от руля – бросил:

– А як же ж!

– Того майора, которого мы подстрелили у Сабуровской дачи, помнишь? Ты его ещё потом перевязывал?

– Танкиста? Шо из «ганомага» выскочив, як скаженны, и якого Василь Деркач приземлив? Помню, конечно! Вы его тогда приказали отправить с нашими ранеными в госпиталь. Помню, помню!

– А дальше историю ты знаешь?

– Ни, звидкиля? Мы через неделю еле-еле с того Харькова дёру дали, да ще так погано... Тьфу! – И старшина плюнул за борт.

– А я тебе расскажу. Машину с нашими ранеными немцы перехватили в посёлке Шевченки – и этот майор приказал своим всех раненых наших расстрелять. Да всех не получилось, один, сержант из конного корпуса, выжил. Немец, что в него стрелял, в последний момент отвел винтовку... кавалерист этот всё и рассказал нашему особисту. Когда меня в ап-

реле месяце таскали в особый отдел, за утерянные немецкие документы. Которые мы при отходе сожгли. Чуть в штрафбат тогда не отправили...

– Дывысь, яка гнида.... Одно слово – фашист. А чего вы его вспомнили, товарищ капитан? – полюбопытствовал Костенко.

– А того, Олег, что теперь этот майор, какому мы жизнь спасли – командует той боевой группой, что давеча мимо нас на север проследовала. И чует моё сердце – ничего хорошего словакам от этой гниды ждать не приходится...

Глава пятая

О том, что в горах случаются удивительные встречи – особенно во время войны...

– Герр гауптман, какое-то село внизу, – не отрываясь от руля, доложил старшина.

– Володя, глянь по карте, что это за деревня впереди? – обернувшись вполоборота, скомандовал Савушкин. Лейтенант, достав из полевой сумки карту, доложил:

– Бабише. Судя по карте – небольшое сельцо, на десяток хатынок, как говорит Костенко, не больше...

Капитан кивнул.

– Хорошо. В деревне останавливаться не будем, воды у нас полно, продуктов тоже хватает. – И обращаясь к радисту: – Женя, сколько у нас осталось времени до сеанса связи?

Строганов, глянув на свои часы – бросил:

– Сорок минут.

– Тогда, Олег, сразу за этим селом, как только будет съезд куда-нибудь в лес – сворачивай сразу, без приказа. Времени у нас не густо, информации для Центра куча, надо всё сформулировать, зашифровать – еле-еле уложимся.... – После этих слов Савушкин, достав блокнот, принялся, сверяясь с балансом, составленным Котёночкиным, прямо на ходу составлять донесение, благо, как он и сказал старшине, докладывать сегодня было что...

Сразу за деревенькой начался густой орешник – куда Костенко, высмотрев уходящую в глубину зарослей вырубку, и направил «хорьх». Вырубка была явно свежей – Савушкин для себя отметил, что словаки весьма деятельно и аккуратно следят за своими лесами – но для автомобильного движения крайне неподходящей. Корни лещины делали из просеки такую «стиральную доску», которой любые автополигоны позавидовали – посему, как только вырубка сделала поворот и «хорьх» уже нельзя было углядеть с дороги на Битчу – капитан приказал остановиться.

– Так, Женя, держи, шифруй. – капитан протянул радисту листок из своего блокнота. Тот взял его, глянул на плотно исписанный клочок бумаги и лишь присвистнул. Савушкин развёл руками: – А что делать? Иначе никак....

– Минут шесть-семь придется передавать, самое малое. А здесь не Белоруссия....

Савушкин нахмурился.

– Имеешь в виду радиопеленгаторы?

– Их. Тут кругом заваруха, немцы наверняка ищут рации повстанцев. Могут и нас под эту музыку запеленговать. Чего не хотелось бы....

– Могут. – Согласился капитан. И добавил: – Но мы постараемся свинтить подальше сразу после сеанса, даже чаю не выпьем. – После этих слов он едва заметно улыбнулся, давая понять, что про чай – шутка. Затем продолжил: – Пока они нас запеленгуют, пока пришлют облаву – нас уже нет,

ищи ветра в поле... – И, обращаясь к Некрасову с Костенко, приказал: – Хлопцы, разворачивайте рацию, антенну метра на три закиньте. Мы с восточной стороны горы, но их тут сильно много, сигналу надо помочь дойти до Центра.... Володя, – обратился Савушкин к своему заместителю, – ты на стрёме, следи за дорогой.

Пока все готовились к сеансу – Костенко забрасывал антенну, Некрасов подключал рацию, радист шифровал, а лейтенант бдил у поворота на дорогу – капитан, расстелив на капоте карту, задумался о дальнейшем пути.

Идти на юг. Это правильно с точки зрения выполнения задания, так мы в подробностях узнаем о дислокации тех немецких частей, что дислоцируются по эту сторону Белых Карпат. Ежели дойти до Дуная – то вся немецкая группировка будет у нас на карандаше. Это хорошо. Плохо то, что с каждым километром на юг уменьшаются шансы на переход на территорию, которую контролируют повстанцы. Отсюда до восставших районов – до той же Раецкой долины, до Мартина и Жилины – рукой подать, часа два ходу на их «хорьхе». Но уже от Тренчина до повстанческих территорий будет добираться дюже мудрено, а от Братиславы – вообще невозможно. Придется и впрямь тащиться в Мишкольц – чего априори не хотелось бы.... Да, дилемма....

– Товарищ капитан, готово! – Радист протянул Савушкину листок с зашифрованной радиограммой. Капитан глянул текст – и покачал головой.

– Групп триста?

Радист тяжело вздохнул.

– Двести восемьдесят семь. Это минут десять, если с квантацией. Засекут...

Савушкин кивнул.

– Засекут. Конечно, при условии, что у них тут есть пеленгаторы. И что? Мы на машине, юркнем вниз – и поминай, как звали.

Строганов покачал головой.

– Товарищ капитан, а вы тут машин много видели?

И тут у Савушкина по спине пробежал холодок. А ведь радист прав! Твою. ж мать! Как он об этом не подумал? Да любой облаве крайне подозрительным покажется одинокий «хорьх», ползущий к Битче от точки выхода в эфир не немецкой рации! Которая у них к тому же американская! Тут никакие байки про «трофеи» не помогут, тут все шансы оказаться в абвере! С соответствующим исходом....

– Ты иди передавай. У меня есть десять минут, решу, что будем делать дальше. Володя! – кликнул Савушкин заместителя. Лейтенант тут же подбежал к «хорьху».

– Звали, товарищ капитан?

– Звал. Мне тут Женя одну толковую мысль подкинул. Машин легковых тут особо не заметно, тем более – таких, как наша. Которая полна подозрительных личностей, большинство которых не говорит по-немецки. С американской радиостанцией в багажнике, да плюс с двадцатью килограм-

мами тола и двумя дюжинами взрывателей.

– И что? – Удивлённо спросил Котёночкин.

– И то, Володя, что если у немцев тут есть пеленгаторы и ягд-команды для отлова нежелательных радиолюбителей – то мы для них лакомый кусок. Если мы попадём под облаву – нас загонщики, обыскав, не обращая внимания на наши тодтовские документы, поволокут в контрразведку. То бишь в абвер. Или в четвертое управление РСХА, сиречь гестапо, что ни разу не легче. И там, и там не дураки сидят.... Посмотрят они на нашу радиостанцию, на наших орлов, вяло шпрехающих на немецкой мове с характерным восточнославянским акцентом – и капут. И нам, и нашему заданию...

– И что тогда мы будем делать?

Савушкин улыбнулся.

– А для этого я тебя и позвал. Ты карту изучил, правильно?

– Словакии? Ано... ну, то есть да. Ано по-словацки да. – Смущённо пояснил лейтенант.

– Очень хорошо. Глянь ещё разок и подумай, куда мы можем тихо и незаметно слинять – по возможности избегнув попадания в силки облавы, которую немцы организуют на подозрительных радистов. И я с тобой посмотрю...

Вдвоём с заместителем они скрупулёзно изучили карту – до Битчи все местные шляхи тянулись в меридиональном направлении, с севера на юг, а те, что уходили вправо или влево – заканчивались в гуще горных лесов. Савушкин раздо-

садовано бросил:

– Ну вот как тут соскочить?

Лейтенант, всмотревшись в карту, ответил командиру:

– Есть шанс, товарищ капитан. Если успеем проскочить Шкорубы – то можно вывернуть налево, там дорога идет через перевал, и спускается в Вельке Ровне. А это уже совсем другая песня...

– Покажь! – И Савушкин внимательно рассмотрел предлагаемый маршрут. Да, вроде как дорога есть.... Ну что ж, выбирать не приходится! И, повернувшись к радисту, спросил:

– Женя, отправил? Получение подтвердили?

Лицо Строганова, обернувшегося к капитану, выражало крайнюю степень досады. Сержант ответил раздражённо – что для флегматичного радиста было крайне несвойственно:

– Никак нет, товарищ капитан, квитанцию не получил.

Савушкин про себя выругался. Твою ж мать, не везёт, так не везёт, бедному жениться – ночь коротка! И бросил решительно:

– Передавай ещё раз!

Радист покачал головой.

– Рисуем.

– Знаю. Отправляй. – Савушкин понимал, что повторной отправкой радиogramмы он ставил группу под реальную угрозу – но на то и война.... В Центре должны знать всё о силах немцев и их планах, для того его и ребят сюда и по-

слали. Ну а риск.... Риск есть всегда. Такая работа.... Обернувшись к разведчикам, капитан вполголоса скомандовал:

– Так, хлопцы, пока Женя стучит на своей шайтан-машине – живо собираемся, чтобы, как только он закончит – нас тут же и след простыл.

Дважды повторять не пришлось – группа быстро подготовила «хорьх» к отъезду, и как только радист молча кивнул – де, всё в порядке, квитанция получена, информация в Центре – машина разведчиков, утробно заурчав, двинулась к дороге на Битчу.

Следующие полчаса пути, до поворота на Вельке Ровне, прошли в тревожной готовности к возможным неприятностям – разведчики внимательно всматривались вперёд, держа оружие наизготовку. К счастью, до самой деревни Шкорубы им никто навстречу не попался, и как только лейтенант, глянув на карту, молча показал старшине едва заметный среди зарослей дикого хмеля поворот налево – Костенко тут же направил «хорьх» в гущу леса. Дорога пошла вверх, запетляла среди густого ельника – и внезапно Савушкин скомандовал:

– Олег, глуши!

Старшине два раза повторять не пришлось – он тут же заглушил мотор и вздёрнул рычаг ручного тормоза.

Капитан вполголоса спросил:

– Слышите?

Через сорок секунд абсолютной тишины Некрасов кив-

нул.

– Мотоциклы. В гору. По нашу душу, похоже....

Вскоре стрёкот мотоциклов стал различим без всякого усилия – по дороге, едва различимой среди гущи леса, от Битчи вверх мчалось три «цундаппа», за которыми, то отставая, то нагоняя своих гончих, ползли бронетранспортёр и два грузовых «опель блинца».

– Ого! – вполголоса изумился Некрасов.

– А ты думал! – ответил старшина. И добавил: – Ягд-команды тут серьезные! – и повернувшись к командиру, спросил: – А теперь куда, товарищ капитан?

– Подальше от точки выхода в эфир. До темноты надо добраться до перевала, времени осталось час, от силы, а ехать ещё ого-го! Так что по машинам, хлопцы!

Тьма, как всегда в горах, обрушилась на них внезапно. – к счастью, «хорьх», хоть и с немалым трудом, но дотащил группу до перевала, так что всё было не так уже плохо. Единственно, что смущало Савушкина – довольно странная группа домиков на самой вершине, никак не похожих ни на жилища лесорубов, ни на хижины пастухов – причём выглядели они безжизненно, лишь в одном окне теплился огонёк керосиновой лампы, едва различимый в обрушившейся тьме.

– Володя, как думаешь, что это за стойбище? – спросил капитан у своего заместителя.

Лейтенант, тщательно всмотревшись в группу строений – радостно ответил:

– Да это метеостанция!

Савушкин про себя присвистнул. Этого только не хватало.... Но выбирать не приходилось – домишки этого странного селения (странного – потому что горцы никогда не строят дома на вершинах гор, их жилища и прочие хозяйственные помещения – в долинах) располагались аккурат у дороги, и мимо проехать никак не получалось.... Да и куда ехать? Ночь на дворе.

Савушкин скомандовал:

– Лейтенант, Некрасов – на разведку, Олег – загони машину вон под тот сарай, – и указал рукой на домишко на отшибе.

– А я? – спросил радист.

– А ты слушаешь сводку. Аккурат её время. – Савушкин посмотрел на часы и убедился в своей правоте: – Три дня прошло с последней, може, уже и война кончилась... – невесело пошутил он. Но в глубине души ему было совсем не до шуток. Тот факт, что немцы пеленгуют эфир – бодрости никак не прибавляло, как и то, что ягд-команда прибыла так быстро, и часа не прошло. Если бы они шли пешком – сейчас бы их трупы немцы в брезент заворачивали бы.... Надо быть осторожней. Задание-то ещё не выполнено....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.